

Кокаревич Мария Николаевна, Борzych Станислав Владимирович

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье показывается, что в современную эпоху массовая культура трансформируется в аспекте возрастания ее духовного потенциала. Авторы акцентируют внимание на утверждении системы образования с присущей ей интенцией укрепления социальной и культурной идентичности субъекта; на конституировании человека как творца собственного мира смыслов и ценностей под влиянием постструктуралистских идей смерти автора; на тематизациях пространства Интернет, ведущих к формированию собственной экзистенции, и других механизмах возрастания духовности в массовой культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-83. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

изображения встречаем в его работах разных периодов («Мать и дочь» (кебрачо, 1928); «Мать и ребенок» (кебрачо, 1940-1950-е гг.)), а также с разновидностью типа «Умиление» – «Взыграние», в котором младенец рукой касается лица (у Эрзи – волос) матери («Материнство» (кебрачо, 1929); «Юная мать» (кебрачо, 1939)).

Итак, мотив поцелуя является в творчестве Эрзи одним из ключевых (в этом проявляется близость его искусства к стилю модерн) и сквозных (что свидетельствует о единстве его художественного мира). Поцелуй у Эрзи не осложнен трагическими коннотациями, не несет в себе опасности и угрозы, являясь выражением близости, дружбы, любви, доверия (между двумя влюбленными или матерью и ребенком). В трактовке данного мотива, как и в целом в творчестве мастера очевидна эволюция от лепки к валянию, от свежести непосредственного жизненного впечатления – к обобщению, символизации образа (как правило, при сохранении портретности, узнаваемости моделей).

Список литературы

1. Амфитеатров А. Ерьзя // Речь. 1909. № 79. 22 марта (4 апреля).
2. Ключева И. В. «Дорогой друг Матильда Давидовна...»: письма С. Д. Эрзи к М. Д. Рындрюнской как источник изучения его биографии и творчества // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 36-42.
3. Ключева И. В. Художественно-педагогическая деятельность Степана Эрзи // Интеграция образования. 2005. № 3. С. 144-151.
4. Ключева И. В. Художник как центрообраз творчества С. Эрзи (к проблеме иконографии раннего модернизма) // Творческая личность: субъект и объект культуросообразной деятельности: коллективная монография. СПб.: Эйдос, 2013. С. 217-230.
5. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 102. Оп. 1.
6. Рильке Р. М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971. 456 с.
7. Сарабьянов Д. В. Русская живопись: пробуждение памяти. М.: Искусствознание, 1998. 431 с.
8. Сутеев Г. Скульптор Эрзя. Биографические заметки и воспоминания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 176 с.

MOTIVE OF KISS IN CREATIVE WORK OF SCULPTOR S. ERZIA (ON THE ISSUE OF ICONOGRAPHY OF ART NOUVEAU AND SYMBOLISM)

Klyueva Irina Vasil'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
N. P. Ogarev Mordovia State University
klyueva_irina@mail.ru

The article presents an overview of fine art works of art nouveau and symbolism, in which there is a motive of kiss, and analyzes its basic semantic connotations. The author traces the gradual development of this motive in the creative work of S. D. Erzia (from 1908 to 1954) revealing the originality of its content and formal-stylistic interpretation by the sculptor. The motive of kiss is transparent to the master, and it is the evidence of the integrity of his artistic world and proximity to art nouveau style.

Key words and phrases: S. D. Erzia; motive of kiss in fine art; sculpture of the XX century; iconography of art nouveau and symbolism.

УДК 008:1-027.21

Культурология

В статье показывается, что в современную эпоху массовая культура трансформируется в аспекте возрастания ее духовного потенциала. Авторы акцентируют внимание на утверждении системы образования с присущей ей интенцией укрепления социальной и культурной идентичности субъекта; на конституировании человека как творца собственного мира смыслов и ценностей под влиянием постструктуралистских идей смерти автора; на тематизациях пространства Интернет, ведущих к формированию собственной экзистенции, и других механизмах возрастания духовности в массовой культуре.

Ключевые слова и фразы: духовность; ценность; массовая культура; ментальность культуры; постмодернистская культура.

Кокаревич Мария Николаевна, д. филос. н., профессор
Борзых Станислав Владимирович, к. филос. н., доцент
Томский государственный архитектурно-строительный университет
kokarevich@mail.ru; c_tac@mail.ru

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Философская традиция, начиная с Ф. Ницше с его утверждением о наступлении эпохи господства человека-массы, усредненного европейца, актуализировала философские интенции на исследование массового человека, массовой культуры. Была обозначена ситуация угрозы растворения личности и, соответственно,

проблема личностного самосознания, самоопределения. В данном аспекте концепты массового человека и носителя духовности оказываются противоположными, если под духовностью понимать такое качество человека, которое предполагает поиск смысла собственного существования или реализацию смыслообременности. Духовной можно назвать такую жизнедеятельность человека, которая оказывается реализацией определенных ценностей, смыслов. Подобные личностные смыслы одухотворяют любую человеческую деятельность, озаряют ее, превращая такую деятельность в служение, насыщают ее размышлениями об идеалах, смыслах. Именно таков путь возрастания духовности.

Проблему потери духовности как наиболее трагическую для человека высветил и сформулировал Ф. Ницше. Впоследствии она была поставлена как проблема поиска своей экзистенции каждым индивидом. Массовая культура в аспекте тематизации проблем экзистенциального самоопределения стала связываться с феноменом экзистенциальной фрустрации. Тем самым массовая культура эксплицируется как отупляющий инструмент воздействия на сознание человека. Вместе с тем, данный тип культуры эволюционирует, трансформируется, что позволяет сегодня рассматривать его в качестве инструмента возрастания духовности.

Действительно, существуют три взаимосвязанные тематизации роли массовой культуры в формировании субъектности. Первая – это, собственно, исследования самой массовой культуры, начатые таким видным мыслителем как Х. Ортега-и-Гассет [6], продолженные не менее выдающимся философом Г. Маркузе [3] и другими авторами. Все они, как правило, негативно оценивают содержание массовой культуры, качество которой становится низким вследствие ее демократизации, увеличения степени понятности. Такая культура не может и на деле не приносит ничего положительного тем, кто становится объектом её воздействия. Она уничтожает всякую индивидуальность, притупляет рассудок, упрощает представления человека о мире, в конце концов, превращает его в потребителя низкосортных духовных благ, за что справедливо порицается носителями элитарной культуры, национальных культур. Вторая представлена работами по проблеме поведения как самой толпы, так и человека в ней. Подобная тематизация характерна для, например, Э. Канетти и С. Московичи [2], ряда других авторов. Третий тип исследований связан с разработкой проблем взаимосвязи массовой культуры с другими культурными формами, в частности, с религией, где данный тип культуры эксплицируется как фактор воздействия на религиозность в обществе [4]; проблем взаимовлияния массовой культуры и тоталитарных политических режимов, особенно двадцатого века [1], которые трансформируют массовую культуру в инструмент идеологии, направленный на сохранение и поддержание идеи тоталитарности, укрепления статуса тоталитаризма.

Синтез данных аспектов исследования массовой культуры позволяет нам увидеть те особенности и трансформации в данном типе культуры, которые можно эксплицировать как изменяющие ее содержание в аспекте возрастания духовного потенциала, особенно в контексте антропного принципа.

Во-первых, массовая культура означает массовость, всеохватность, доступность образования. Исторически процессы становления массовой культуры и массовизации образования взаимосвязаны и восходят к культурно-исторической европейской реальности восемнадцатого века. Становление в данное время культа человеческого разума приводит к представлению о Человеке как основной движущей силе истории. Последнее предполагает наполнение человеческого разума правильными идеями и знаниями. Соответственно, целью эпохи становится образование, просвещение. Также эпоха утверждает идеи демократизации всех сфер жизни, исходя из того, что, если определяющим качеством человека является его разумность, а люди равны в обладании этим естественным свойством, они должны быть равны и перед законом, и в доступности к образованию и другим социальным благам. Последовательная демократизация социальных практик становится основанием для становления массовой культуры и образования соответственно. Наличие образовательных стандартов является одним из свойств современной системы образования. Данный признак позволяет рассматривать такую образовательную систему как элемент массовой культуры с присущей ей интенцией вовлечения все большего количества населения в орбиту грамотности, образованности в определенной степени. При этом даже закрепленная в стандарте норма образования предполагает возможность формирования собственного духовного мира, своей социальной и культурной идентичности.

Во-вторых, массовая грамотность становится основанием для приобщения к культуре. При этом выдвижение в авангард социальных практик человека потребляющего – *homo consumatus* – позволяет говорить о потреблении произведений искусства, например. Данное суждение естественным образом вписывается в контекст современной постмодернистской культурной эпохи с ее принципом максимальной приближенности к жизни, к реальности, к каждому отдельному человеку. В соответствии с данной культурной доминантой происходит сближение мира художественного и мира реального, решается вопрос не только о всеобщем приобщении к искусству, но и проблема творца, которым, в соответствии с ментальностью постмодерна, может стать каждый, поскольку, например, материалом создания художественных образов являются любые элементы повседневного жизненного мира.

Тем самым, постмодернистский социокультурный гено-текст трансформирует понятие массовой культуры, возвышает ее, лишает ореола низкокачественности как следствия демократизации общества. Максимальная приближенность к каждому отдельному человеку предполагает, что мир культурных смыслов начинает существовать в интерпретации читателя и зрителя. Авторский замысел уходит на второй план, что приводит в постструктуралистской парадигме к выводу о смерти автора. Теперь каждый субъект, вступая в мир культурных символов, становится автором, творцом мира смыслов и ценностей, носителем духовной культуры.

В-третьих, в современном мире посредством включения в массовую культуру человек знакомится с миром, который выходит за рамки жизненного мира индивидуальности, за рамки собственного опыта. Телевидение,

радио, Интернет способствуют слиянию собственного жизненного горизонта с глобальным горизонтом, что позволяет получать колоссальное количество информации, знакомиться с фактами, существование которых было бы недоступно в противном случае, виртуально соприкасаться с иными культурными системами современного глобального мира. Кроме того, не стоит забывать о том, что вместе с определёнными навыками, транслируемыми нынешним технологическим окружением, человек получает и критерии оценки феноменов окружающего его мира. Достаточно зайти в какую-нибудь группу в одной из социальных сетей, чтобы обнаружить цитаты классиков, нередко отрывки из их произведений, а то и работы целиком. Здесь же имеет место их обсуждение. Подобные критерии оценивания разнообразных культурных феноменов, становясь элементом собственного экзистенциального выбора, формируют внутреннюю культуру. Более того, происходит последовательное конституирование собственной экзистенции, без которой невозможно представить духовный мир человека. В данном понимании акцентируется связь духовности с наличием ценностей и смыслов. Духовный человек не просто функционирует, его деятельность представляет собой служение, она ценностно обусловлена.

В-четвертых, представления о том, что современный человек безграмотен, кажутся противоречивыми. Методология социокультурной обусловленности предполагает рассмотрение данного феномена в определенном социокультурном контексте. Постмодерн с его принципом максимальной приближенности к каждому отдельному человеку приводит к деконструкции понятия безграмотности. Если кто-то допускает пунктуационные или грамматические ошибки, хотя бы и неосознанно, это вовсе не означает, что он не знает о существовании правил. Вместе с тем, намеренно их нарушает в целях утверждения собственной самооценности.

В целом, если смотреть на мир сквозь призму приоритета постмодернистской ментальности, то окажется, что человек современной эпохи Интернета и телевидения отличается от человека великой книжной культуры с ее акцентом на формирование нравственного Абсолюта. Нравственные нормы современности утратили ореол абсолютности. Утверждается концепт «нетрадиционная мораль», что предполагает наличие традиционной морали, но и нетрадиционная – тоже мораль, тоже система норм, регулирующих отношения между людьми, поведение людей в обществе. Подобная ситуация была предугадана Ф. Ницше, который говорил о том, что происходит переоценка ценностей, возрастает сомнение «в самой ценности этих ценностей» [5, с. 9]. Последнее положение уточняет М. Хайдеггер, утверждая, «что не просто прежние ценности падают жертвой обесценивания, но и что, прежде всего, лишается корней сама потребность в ценностях прежнего рода на их прежнем месте, а именно в сверхчувственном» [8, с. 65]. Поэтому среднестатистический человек осведомлен о базовых правилах и нормах поведения и более или менее последовательно их выполняет, предполагая, что множеству этих правил свойственны размывание, признание их относительного характера даже в рамках одной христианской культуры, потеря ими статуса абсолютности. Таким образом, проблема – если она в принципе имеет место быть – связана не с тем, что моральность населения нашей планеты, включенного в потоки массовой культуры, трансформируется. Подобная модификация является естественной, она не исключает понятие моральности из современного дискурса и обусловлена постмодернистским социокультурным контекстом.

В-пятых, постмодернистский культурно-исторический фон меняет понимание смыслов и ориентиров в научной деятельности. Принято считать, что наука беспристрастна, что цель научной деятельности – достижение истины. Вместе с тем, оказывается, что ученый преследует множество целей. Среди них и жажда славы, и материального благополучия, и самоутверждения, и желание обоснования какого-либо нового положения. Фактически это означает, что учёный вправе заниматься чем угодно без вовлечения в данный вопрос любых соображений приемлемости и нравственности, потому что он выше этого. Многообразие ориентиров научной деятельности способствует тому, что наука становится массовой. Однако это не отменяет трансформацию перечисленных ориентиров научной деятельности в ценности, которые задают смыслы научного поиска. Тем самым научная деятельность оказывается служением идее, реализацией определенной системы ценностей и смыслов. Последнее эксплицирует деятельность ученого как возрастание в духовности, как процесс смыслообретения и реализации смыслов.

Последнее, вместе с тем, не отрицает истинности как главной цели научного поиска. Действительно, современные исследования концепта истины определяют ее как главный смысл научного поиска. Так, в феноменологической традиции истина – это удостоверяющая идентификация [9, с. 56-61]. Такая идентификация между мышлением и бытием возможна, поскольку бытие дано в интенциональном акте, в котором осуществляется соответствие сущего в аспекте его восприятия, тождественность воспринимаемого (*intentum*, нозма) и воспринятого (*inensio*, ноззис). Аналогично, Н. М. Смирнова, исследуя феноменологическое определение истины, показывает, что «понятие истины в социально-феноменологической трактовке отражает трансформацию классического познавательного отношения: соответствие знания онтологическому референту предстает здесь как соответствие научно-теоретического социального знания базисным структурам понимания жизненных миров» [7, с. 108]. Тем самым, при любых ориентирах истина остается главным.

В-шестых, массовая культура потому так и называется, что направлена она на широкие слои населения и призвана удовлетворять именно их запросы. Существует огромное количество работ, посвящённых одному интересному, хотя почти и неразрешимому вопросу о том, что всё-таки первично – желания и потребности публики или же устремления части сильных мира сего навязать всем остальным выгодные для них представления и сведения о реальности. Сразу отметим, что теории заговора весьма спорны. Представляется, что все эти клубы, тайные ордена и организации, по крайней мере, трудноосуществимы. Разумеется, это не означает того, что у части населения нашей планеты не имеется одинаковая мотивация, которая и руководит их поведением в определённом направлении. Но из этого не следует актуализация основных постулатов

последователей той или иной системы заговорщических принципов. Известно, что зритель формирует содержание увиденного и услышанного. И пусть он делает это неявно, а с помощью косвенных инструментов воздействия на производителей, тем не менее, аудитория как таковая куда могущественнее, чем это принято считать. В частности, по российскому каналу ТНТ уже который год идёт реалити-шоу «Дом-2», которое уже давно стало нарицательным именем для наиболее неприятных предпочтений телезрителей. Но ведь если бы это представление никто не смотрел, его бы и не было на экранах.

Данный пример показывает несостоятельность идеи заговора против огромных масс населения, идеи оболванивания ничего не подозревающих людей, с радостью и детской непосредственностью потребляющих всё, что им предложат. В действительности между данными позициями существует определённого рода баланс. С одной стороны, создатели, как это принято сегодня называть, контента, естественно, рассчитывают на то, что его будут смотреть, читать и слушать, а значит, их бизнес станет приносить доход. С другой стороны, сам среднестатистический человек делает своеобразный заказ на то, что ему или ей всё-таки хотелось бы получить.

Такой человек всегда существует и ему свойственна интенция на самосохранение. Поэтому существует массовая культура, которая имеет дело с большими совокупностями индивидов, реализуя интенцию на усреднение. Соответственно, ей совершенно чужды такие продукты, которые бы заставляли всех нас усиленно и напряжённо (этим столь знаменит арт-хаус) думать по поводу их содержания. И так было всегда. Например, Д. Даймонд указывает на то, что охотники-собиратели, предполагаемые сохранившиеся остатки первобытных времён, любят и охотно общаются друг с другом на абсолютно тривиальные темы, бесконечно повторяя одно и то же [11, р. 37]. Человек с тех пор остается носителем подобных качеств, меняющих только форму. И, несмотря на то, что сегодня мы живём в довольно сложно организованных обществах, наши пристрастия остались прежними, почти такими же, что у наших предков. И тот же «Дом-2» неплохо эксплуатирует стремление масс к неприятному действию.

Просветители, адепты высокой культуры исключают из своей потенциальной аудитории большинство, поскольку не выходят за рамки традиции понимания элитарности как существенного признака культуры. В действительности, значимое большинство получает то, что в общем и целом желает. Современное телевидение, например, легко позволяет переключаться между каналами, при этом даже не вставая с дивана, а потому ни к чему не принуждает. Рейтинги убеждают нас в том, что никто не собирается отказываться от удобного потребления программ.

При этом проблема состоит в том, что усвоение великих произведений искусства или же потребление высокохудожественных произведений требуют не только определённого уровня интеллекта, но и специализированных навыков. Люди, как правило, редко инвестируют свои ресурсы в подобного рода мероприятия, учитывая сомнительную в их глазах ценность таких начинаний. Всегда гораздо проще и веселее включить телевизор и позволить ему вас развлекать. Чтобы совершить это, не надо ничего кроме лёгкого нажатия на клавишу пульта управления, в то время как посещение музея требует усилий и, что немаловажно, материальных затрат. Конечно, просмотр фильма в кинотеатре сопряжён с теми же тратами, но он, по крайней мере, не требует ничего, за исключением сидения на одном месте некоторое время. В свою очередь, посещение картинной галереи, например, предполагает и физические, и духовные усилия. Но мы не хотим этим сказать, что главным ориентиром создания программ и других произведений искусства является удобство их потребления, их низкосортность.

Представляется, что привычные формы массовой культуры могут стать и становятся в эпоху постмодерна основой для глубокого содержания, способствующего возрастанию духовности. Примером чему являются облаченные в детективную форму произведения У. Эко, Б. Акунина. Реконструируя творческий замысел данных авторов, можно предположить, что выбор детективного жанра был предопределен его имманентностью массовой культуре. Однако эта форма использовалась данными авторами для вовлечения читателей в мир средневековой, например, культуры. У. Эко, ориентируясь на массового читателя, увлекает его ироническим цитированием известных детективных персонажей Шерлока Холмса, который легко угадывается в фигуре Вильгельма из Баскавиллы, и доктора Ватсона, которого мы узнаем в послушнике Адсоне [10]. Впоследствии, не выходя за рамки выбранного массового жанра, писатель увлекает читателя в мир Средневековья, знакомя его с нравами, содержанием религиозной, монастырской жизни.

В любом случае массовая культура имеет дело, прежде всего, с толпой, а потому и ориентируется на её пристрастия. В соответствии с этим при экранизации романа У. Эко «Имя розы» был сделан акцент именно на детективной линии. Повторимся, люди получают, в общем и целом, то, что и ожидают. И если уж мы сетуем на банальность и низкосортность содержания современных СМИ, то было бы правильнее перенести ответственность с авторов на зрителей. Вместе с тем, современная постмодернистская художественная культура ищет и находит пути синтеза массовости и элитарности, использования форм массовой культуры для воплощения глубокого содержания. Отметим, что при этом всегда автор оставляет читателю и зрителю свободу выбора усмотрения глубокого духовного содержания или пренебрежения последним.

В-седьмых, невозможно игнорировать такие явления как фашизм или тоталитаризм, ставшие возможными благодаря существованию массового человека. С одной стороны, любые технологии – это инструмент, и сами по себе они не несут ответственности за то, что совершают с их помощью. С другой стороны, они всё-таки влияют на тех, кто ими пользуется. В перспективе антропного принципа следует поставить вопрос о роли массовой культуры в становлении и утверждении тоталитарных режимов. Согласно антропному принципу, то, что случилось, должно было произойти. Проблема состоит в том, что без прошедшего нет настоящего, а опыт во многом создаёт нас. В этом аспекте и фашизм, и коммунизм были необходимы

для того, чтобы их больше не повторять. Но это также значит, что массовая культура в той исторической форме не должна быть повторена. Именно подобный опыт становится основанием трансформации содержания массовой культуры в аспекте возвышения ее духовного потенциала, что, как было показано, и реализуется в современной культурно-исторической реальности.

Список литературы

1. **Арендт Х.** Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 444 с.
2. **Канетти Э., Московичи С.** Монстр власти: роман. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
3. **Маркузе Г.** Одномерный человек. М.: АСТ; Ермак, 2003. 336 с.
4. **Михельсон О. К.** Религия и массовая культура в религиозноведческом исследовании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53). Ч. 3. С. 132-135.
5. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла. М.: Сирин, 1990. 416 с.
6. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М.: АСТ; Ермак, 2005. 272 с.
7. **Смирнова Н. М.** Проблема истины в современном социальном познании // Понятие истины в социогуманитарном познании. М.: ИФРАН, 2008. С. 93-112.
8. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. **Хайдеггер М.** Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
10. **Эко У.** Имя розы. СПб.: Симпозиум, 1997. 685 с.
11. **Diamond J.** The World until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies? Viking, 2012. 500 p.

SPIRITUAL POTENTIAL OF MODERN MASS CULTURE

Kokarevich Mariya Nikolaevna, Doctor in Philosophy, Professor
Borzykh Stanislav Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tomsk State University of Architecture and Building
kokarevich@mail.ru; c_tac@mail.ru

The article shows that in our times mass culture is transformed in the aspect of its spiritual potential growth. The authors focus attention on the confirmation of the system of education with its intention of strengthening the social and cultural identity of the subject; on constituting the human being as a creator of his/her own world of meanings and values under the influence of the post-structuralist ideas of the author's death; on the thematization of the Internet space leading to the formation of own existence, and other mechanisms of spirituality growth in mass culture.

Key words and phrases: spirituality; value; mass culture; culture mentality; post-modernist culture.

УДК 94(398)(093)

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается вопрос о времени и причинах возникновения конфедерации везиготов во главе с «судьями», существовавшей в IV в. на Дунае, а также о характере её потестарной организации. Автор предполагает, что формирование этого сложного вождества в конце III в. после переселения готов-тервингов в Подунавье по завершении «Скифских» войн 238-275 гг. было обусловлено не только внутренними причинами, но и сильнейшим влиянием внешнеполитического фактора – взаимодействия готов с Римом в рамках федератских договоров, действовавших с конца III в. по конец второй трети IV в.

Ключевые слова и фразы: Атанарих; вождество; готы; Поздняя Римская империя; политогенез; тервинги; федератство.

Кобаев Михаил Юрьевич

Воронежский государственный университет
mike-kobaev@mail333.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИИ ВЕЗИГотов НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В III-IV ВВ. ©

В третьей четверти III в. Римская империя, вследствие структурного кризиса фактически утратив политическое единство, была вынуждена противостоять усилившемуся давлению извне. Восточным границам империи угрожало недавно возникшее на развалинах Парфянского царства государство Сасанидов – Эраншахр. На севере угроза исходила от народов Барбарикума, в первую очередь – от достаточно масштабных союзов варварских племён Подунавья и Причерноморья, у грекоязычных авторов обобщённо называемых «скифами», в которых ведущую роль играют переселившиеся на рубеже II-III вв. на территорию геродотовой Скифии готы. Информации о внутренней организации этих союзов мы имеем мало: в источниках обыкновенно перечисляются племена, входящие в их состав, а также имена некоторых, преимущественно